

Первое. Чехов – бесстрашный р е а л и с т, не боящийся правды жизни, как бы ни была она горька или неприглядна. Именно правда является для него ключевым положением литературы. Ни романтическая идеализация, ни натуралистическая приземленность, ни декадентская изощренность и эпатирование публики не привлекали Чехова. Он считал, что подлинная жизнь сложнее и интереснее любых способов ее поэтической деформации. Более того, передать богатство и многоликость реальности, сплетение жизненных судеб и отношений неизмеримо труднее, чем втиснуть их в очередную художественную доктрину и выдать за новое слово в литературе.

Реализм Чехова опирался на опыт классиков его времени (И. Тургенев, И. Гончаров, Ф. Достоевский, М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой). Писатель учитывал их достижения в изображении действительности и тайн человеческой души, в поиске новых средств. И потому в его арсенале использовались символика, подтекст, смешение трагического и комического, тонкая печаль о несовершенстве нашего существования. М. Горький отмечал принципиальную особенность дарования писателя: «В рассказах Чехова нет ничего такого, чего не было бы в действительности. Страшная сила его таланта именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя...»*.

Искусство Чехова покоряет естественностью и достоверностью. Писатель повысил содержательность малого жанра, обновил драму. Насыщенность его рассказа заключается в том, что он охватывает ключевые или знаковые события жизни («Учитель словесности», «Дом с мезонином», «Дама с собачкой» и др.). Но рассказ может вбирать историю целой жизни («Человек в футляре», «Душечка», «Архиерей»). Эта значительность и объемность использованного материала позволяют достичь высокого обобщения.

Писатель не позволял себе упрощения реальности. Он умел сохранить баланс разных граней действительности и не допустить их перекаса. Высокое и низкое, серьезное и смешное, поэтическое и бытовое существуют в его произведениях, как в самой реальности. Его персонажи социально достоверны, их отношения психологически убедительны, точны в деталях. Писатель не допускает идеализации или фальши. И потому в рассказе «Человек в футляре» монолог о Беликове завершается комическим впечатлением внешнего вида учителя Буркина. Беликов – это шарж, а беликовщина – реальность, которая таится в каждом из нас. Она многолика и прочна. В рассказе «Дама с собачкой» Гуров – далеко не положительный персонаж. Он проходит эволюцию от пренебрежительного отношения к женщине как к «низшей расе» до осознания значимости ее в жизни мужчины. Герои претерпевают эволюцию от банального курортного романа к драматической безысходности, к надвигающейся катастрофе семейной жизни. В одном из самых поэтических произведений «Дом с мезонином» исповедь художника о первой любви сочетается с удивительной смиренностью и безволием героя, не желающего побороться за свое счастье.

Последние рассказы Чехова [«Архиерей» (1902) и «Невеста» (1903)] – наглядное подтверждение взвешенности позиции автора. Они как бы уравнивают на чаше весов две всеобъемлющие категории: жизнь и смерть. «Архиерей» – рассказ о завершении пути человека. «Невеста» – об открытии самостоятельного пути. Бессилие старости и эйфория молодости, страх смерти и расцвет жизни, начало и конец единого цикла. Одно манит своей перспективой, другое – отталкивает исчерпанностью, одно поднимает ввысь, другое – тянет вниз. Чехов выстраивает два звена реальности как неизбежный переход одного в другое,

* Горький М. По поводу нового рассказа А.П. Чехова «В овраге» // Нижегородский листок. 1900. 30 января.

как процесс завершения и обновления. Писатель не нагнетает ужас неизбежного, а показывает медленное угасание и погружение в забвение. И напротив, осознание молодой девушкой своих возможностей, радость обретенной свободы, окрыляет ее и поддерживает читателей. Жизнь преодолевает и поглощает смерть. Рассказом «Невеста» Чехов утверждает очистительную силу жизни, спасительность надежд, которые она порождает.

Второе. Чехов был сторонником объективности. Он отвергал тенденциозность автора, навязываемую читателям. Подобная идея могла быть предвзятой, схоластичной, временной и даже ошибочной. В утверждении ее как некоей истины писатель видел насилие над своим сознанием и внутренней свободой. И потому любой диктат чужой воли Чехов отвергал.

Писатель не скрывал свое отношение к общественной жизни, к тому идеологическому противостоянию, которое складывалось в среде интеллигенции. Чехов был противником конфронтации и подчинения личности господствующим тенденциям. И заявлял об этом определенно в общении с теми, кого уважал и ценил. В 28 лет в письме А. Плещееву он так декларировал свое отношение к борющимся партиям: «Я не либерал, не консерватор, не постепенец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и – только, и жалею, что бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах... Фарисейство, тупоумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи... Поэтому я одинаково не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодежи. Фирму и ярлык я считаю предрассудком»*.

И далее писатель четко и образно определяет ценности, которые для него особенно значимы: «Моя святая святых – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником» (А. Н. Плещееву, 4 октября 1888 года. П. III, 11).

Чехов проявлял терпимость там, где дело касалось политических или религиозных предпочтений. Он исходил из права человека на свое личное мнение и убеждение, если это не ограничивало права других людей, не расходилось с нравственными нормами. Человек мог быть социалистом или антисоциалистом, революционером или монархистом. Для Чехова важно одно: человека нельзя судить за убеждения и веру. Это положение было определяющим как защита свободы личности. Сдержанность в отношении к разным идеологическим позициям обеспечивала равноудаленность от противоборствующих течений.

Объективность и беспристрастность писателя не означали его отстраненности от злободневных вопросов современности. Чехов был натурой деятельной, стремящейся улучшить то, что было в его силах. И не случайно образцом активной и результативной жизни для него был знаменитый путешественник и исследователь Н. Пржевальский. При всей отданности литературной работе и проблеме со здоровьем Чехов многое сделал для блага людей. Он принимал участие в помощи голодающим крестьянам, в строительстве трех современных школ в деревнях, в борьбе с холерой. Его поездка на о. Сахалин и исследование жизни каторжан, как и написание книги об этом, – пример личного участия в судьбе заключенных. Писатель привлек внимание общества к положению поселенцев и их детей, что побудило правительство принять ряд смягчающих мер.

* Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем в 30 т. М., 1975–1977. Письма. Т. III. С. 11. Далее ссылки на это издание даны в скобках, где П. – письма, С. – сочинения, римская цифра – том, арабская – страница.

Объективность позволяла быть беспристрастным и независимым от личного отношения к происходящему. А. Куприн очень верно отмечает в воспоминаниях: «В своей удивительной объективности стоя выше частных горестей и радостей, он все знал и видел. Но ничто личное не мешало его проникновению. Он мог быть добрым и щедрым не любя, ласковым и участливым – без привязанности, благодетелем – не рассчитывая на благодарность. И в этих чертах, которые всегда оставались неясными для его окружающих, кроется, может быть, главная разгадка его личности»*.

Третье. Неотъемлемым качеством Чехова-художника является с о ч у в с т в и е переживаниям и страданиям людей. Чехов не делит их на богатых и бедных, образованных и неразвитых, простых и знатных. Все – люди, и у всех свои проблемы, муки и беды. Каждый, кто страдает, независимо от его статуса и положения, заслуживает сочувствия. Восьмилетний мальчик Егорушка («Степь»), которого отрывают от матери и везут в город учиться, одинокий старый извозчик Иона («Тоска»), потерявший сына и рассказывающий о своем горе лошади, молодая женщина, открывшая власть любви («Дама с собачкой»), старый слуга Фирс, «забытый в доме» («Вишневый сад»), – все они нуждаются в сострадании.

Сочувствие органично для Чехова. Оно вызвано не только близостью писателя народной среде, знанием того, как трудна, а подчас и безотраднa жизнь простых людей. Сочувствие вызвано и пониманием скоротечности жизни человека, неустроенности ее уклада, нарастанием общих проблем и усложнением всех отношений.

Это милосердие выражается не в авторской расположенности к персонажам или в солидарности с их рассуждениями. Здесь Чехов беспристрастен и отстранен от изображаемого. Сочувствие персонажам, их попыткам изменить свою жизнь проявляется объективно, в том, как писатель открывает их душевную сторону, скрытую боль, внутреннее страдание от унижения, несправедливости, неспособности изменить свое положение. И этот дискомфорт персонажей вызывает ответный отклик читателей. Таковы переживания жалкой, униженной Любви Осиповны о своих сыновьях («Печенег»). Муж – тиран, равнодушный к семье, превратил ее в приживалку, а она хочет отдать детей учиться и не может добиться этого, мучается от беспомощности. Таков рассудительный Шамохин («Ариадна»), который осознал, что его очаровательная хитрая любовница равнодушна к нему и живет с ним из страха перед одиночеством, что он лишь временное пристанище ее чувственной натуры.

Сочувствие рождает горькие переживания сельской учительницы («На подводе»). Ее жизнь проходит в безотрадном труде, неустроенном быте и осознании, что все лучшее «прошло как длинный, тяжелый сон» (С. IX, 342), а теперь осталась безысходность. Таковы переживания Ольги, Маши и даже Ирины («Три сестры»), с их неустроенными судьбами и крушением семейного гнезда.

Сочувствие вызывается душевной солидарностью с персонажами, сознанием того, что и в твоей жизни подобное могло быть или уже есть сейчас. И ты тоже испытываешь смятение, мучаешься вопросами, которые не в силах разрешить. Милосердие писателя неотделимо от стоицизма, внутреннего смирения и готовности переносить испытания, выпавшие на твою долю. Для писателя важно, чтобы его персонажи не озлобились на мир, не утратили потребности в добре.

Чехов – художник и личность – обладал обаянием, которое притягивало людей и благотворно влияло на них. В профессиональном и человеческом планах это испытали на себе и молодые литераторы, тесно общавшиеся с ним. Пожизненную благодарность Чехову пронесли М. Горький, А. Куприн, И. Бунин.

* Куприн А. И. Памяти Чехова // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 532.

В профессиональном плане Чехов не делал уступок никому: оценивал строго и классиков (И. Тургенев, И. Гончаров, Ф. Достоевский, Л. Толстой), и современников. Что же касается начинающих сочинителей, то он давал им советы, актуальность которых не ослабла со временем. Ведь писатель говорил о вечных критериях художественности, о емкости повествования, об искусстве создания образов. Его советы не носили частный смысл, а характеризовали культуру и технологию литературной работы.

Рекомендации Чехова пусть не прямо, но косвенно содержались и в тех оценках, которые он давал младшим братьям по перу (М. Горький, А. Куприн, И. Бунин, Л. Андреев и др.). Эти беллетристы становились надеждой русской литературы на рубеже веков и были благодарны за поддержку и критические замечания. Тем более что Чехов делал это деликатно, с учетом возможностей и индивидуальности каждого литератора. Он благотворно повлиял на М. Горького (1868–1936), на развитие его дарования и расширение кругозора.

Чехова и Горького объединяло то, что оба вышли из мещанской среды и видели в пошлости врага жизни. Оба были одержимы стремлением к знаниям и культуре. Но была и существенная разница. Горький считал себя самоучкой, а Чехов получил профессиональную подготовку в Императорском Московском университете, прошел практику врача. Его естественно-научный подход к проблемам общества давал определенные преимущества.

Оба сделали себя личностями мирового уровня и обогатили литературу современным творчеством. Для Горького Чехов был классиком-новатором, примером обновления искусства новыми, более тонкими и емкими формами.

Чехов всегда помнил, как в 1886 году, в трудный для него период сомнений и материальной зависимости, он неожиданно получил письмо от авторитетного писателя Д. Григоровича, который не только поддержал молодого беллетриста, но и предрек ему большое будущее. Эта моральная, а затем и профессиональная поддержка сыграла решающую роль в его самоопределении. Она буквально окрылила молодого художника и определила цель его жизни – быть не врачом, а писателем. Чехов знал, что 40 лет назад Д. Григорович радостно приветствовал появление в литературе Достоевского. И теперь сам Чехов становился поддержкой начинающих художников и своими советами укреплял в них веру в себя.

Знакомство Горького и Чехова началось с переписки в конце 1898 года и продолжалось до смерти Чехова. Известны 39 писем Чехова к Горькому и 51 письмо Горького к Чехову. Чехов был одним из самых дружественных и значимых критиков Горького. Когда в ноябре 1898 года Горький посмотрел в Нижегородском драматическом театре «Дядю Ваню», он был поражен пьесой: «Для меня – это страшная вещь. Ваш “Дядя Ваня”, это совершенно новый вид драматического искусства, молот, которым Вы бьете по пустым башкам публики. <...> В последнем акте “Вани”, когда доктор, после долгой паузы, говорит о жаре в Африке, – я задрожал от восхищения перед Вашим талантом и от страха за людей, за нашу бесцветную нищенскую жизнь. Как Вы здорово ударили тут по душе и как метко!» (П. VII, 678).

Эта искренняя и горячая поддержка творческих проектов Чехова и их результатов, конечно, порадовала писателя и вызвала его признательность. Со своей стороны, он внимательно отнесся к публикациям молодого автора.

Советы и суждения Чехова стали школой профессионального мастерства для самобытного сочинителя из народной среды. Чехов деликатно, но честно обнажал слабые места его стиля, помогал избавиться от неизбежных погреш-

ностей. В ответ на просьбу Горького высказать мнение о его рассказах Чехов, прежде всего, поддержал беллетриста и прозорливо отметил: «Талант несомненный, и притом настоящий, большой талант. Например, в рассказе “В степи” он выразился с необыкновенной силой, и меня даже зависть взяла, что это не я написал. Вы художник, умный человек, Вы чувствуете превосходно, Вы пластичны, т.е. когда изображаете вещь, то видите ее и ощупываете руками. Это настоящее искусство» (П. VII, 352).

Вслед за тем следуют профессиональные замечания. «Начну с того, что у Вас, по моему мнению, нет сдержанности. Вы как зритель в театре, который выражает свои восторги так несдержанно, что мешает слушать себе и другим. Особенно эта несдержанность чувствуется в описаниях природы, которыми Вы прерываете диалоги; когда читаешь их, эти описания, то хочется, чтобы они были компактнее, короче, этак в 2–3 строчки. Частые упоминания о неге, шепоте, бархатности и проч. придают этим описаниям некоторую риторичность, однообразие – и расхолаживают, почти утомляют. Несдержанность чувствуется и в изображении женщин (“Мальва”, “На плотях”), и любовных сцен. Это не размах, не широта кисти, а именно несдержанность» (П. VII, 352).

Далее Чехов обращает внимание на «частое употребление слов, совсем неудобных для рассказа Вашего типа. Аккомпанемент, диск, гармония – такие слова мешают» (П. VII, 352). И еще одно замечание должно было поколебать Горького в его уверенности в себе: «В изображении интеллигентных людей чувствуется напряжение, как будто осторожность; это не потому, что Вы мало наблюдали интеллигентных людей. Вы знаете их, но точно не знаете, с какой стороны подойти к ним» (П. VII, 352).

По сути, Чехов выявляет слабые места не только стиля, но и самого знания Горьким общественной жизни. И они будут проявляться на протяжении всего творчества писателя вплоть до незавершенного романа «Жизнь Клима Самгина». Конечно, классик литературы будет бороться с ними, обогащать свою художественную палитру, находить более емкие способы самовыражения. Но то, что отметил Чехов, останется его ахиллесовой пятой до конца. Право Горького вершить суд над русской интеллигенцией начала XX века и представлять ее в типе Клима Самгина вызвало упреки в ошибочности обобщения, в поверхностном знании ее изнутри. Горький, по сути, переоценил свои возможности в понимании 40 лет русской жизни и представил ее в опрошенном виде, а интеллигенцию – в негативном свете.

В ответном письме Горький признал, что Чехов метко определил его просчеты. Касаясь вычурности слов, он заметил: «Никак я не могу изгнать их из своего лексикона, и еще этому мешает моя боязнь быть грубым. А потом – всегда я тороплюсь куда-то, плохо отделяю свои вещи, самое же худшее – я живу исключительно на литературный заработок. Больше ничего не умею делать» (П. VII, 679).

Возникшая переписка двух писателей переросла в дружбу, и Чехов мог давать доверительные советы своему младшему коллеге. В частности, в письме от 3 января 1899 года он обратил внимание на неудобство иностранных, некоренных русских или редкоупотребительных слов. «У других авторов такие слова, как, например, “фаталистически”, проходят незаметно, но Ваши вещи музыкальны, стройны, в них каждая шероховатая черточка кричит благим матом. <...> Я мирюсь в описаниях с “коллекским ассессором” и “капитаном второго ранга”, но “флирт” и “чемпион” возбуждают (когда они в описаниях) во мне отвращение» (П. VIII, 11).

Чехов выделяет лучшие вещи Горького – «В степи», «На плотях» – как образцовые: «...в них виден художник, прошедший очень хорошую школу» (П. VIII, 11).

И одновременно советует быть лаконичнее и сдержаннее в пейзажных зарисовках: «Только частое уподобление человеку (антропоморфизм), когда море дышит, небо глядит, степь нежится, природа шепчет, говорит, грустит и т. п. – такие уподобления делают описания несколько однотонными, иногда слащавыми, иногда неясными; красочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простотой, такими простыми фразами, как “зашло солнце”, “стало темно”, “пошел дождь” и т. д. – и эта простота свойственна Вам в сильной степени, как редко кому из беллетристов» (П. VIII, 11–12).

Горький, который считал себя самоучкой, сомневался, что сможет писать лучше, чем сейчас. Но расположение Чехова и его советы дали толчок для более строгого отношения к своей прозе. И Горький был признателен за внимание и тщательность, с которыми Чехов прочитывал его произведения. В письмах Чехов делился впечатлениями от прочитанных книг последнего времени, не делая скидок даже близким знакомым: «Вересаев талантлив, но груб – и кажется, умышленно. Груб зря, без всякой надобности. Но, конечно, он гораздо талантливее и интереснее Чирикова» [А. М. Пешкову (М. Горькому), 18 января 1899 года. П. VIII, 25].

Интерес к Горькому сказался и в том, что Чехов рекомендовал знакомым рассказы молодого беллетриста: «Прочтите Горького “В степи” и “На плотях”. По-видимому, это большой талант, грубый, рудиментарный, но все же большой. Если нет времени, то прочтите только “В степи”» (П. Гнедичу, 4 февраля 1899 года. П. VIII, 70). Аналогичное предложение Чехов делает А. С. Суворину: «Читаете ли Вы беллетриста Горького? Это несомненный талант. Если не читали, то потребуйте его сборник и прочтите для первого знакомства два рассказа “В степи” и “На плотях”. Рассказ “В степи” сделан образцово; это тузовая вещь, как говорит Стасов» (А. С. Суворину, 27 января 1899 года. П. VIII, 52).

Знакомство с молодым сочинителем перешло в более тесные отношения. Горький стал часто бывать у Чехова и беседовать с ним о новинках литературы. Чехов сообщал В. В. Розанову в письме от 30 марта 1899 года: «Он простой человек, бродяга, и книги стал читать, будучи уже взрослым – и точно родился он во второй раз, теперь с жадностью читает все, что печатается, читает без предубеждений, душевно. В последний раз мы говорили о Вашем фельетоне в Нов<ом> времени насчет плотской любви и брака (по поводу статей Меншикова). Эта статья превосходна, и ссылки на ветхий завет чрезвычайно поэтичны и выразительны – кстати сказать» (П. VIII, 141). Сообщая своим знакомым о Горьком, Чехов дает лаконичные, но проницательные оценки его: «В Ялте Горький. По внешности это босяк, но внутри это довольно изящный человек – и я очень рад. Хочу знакомить его с женщинами, находя это полезным для него, но он топорщится» (Л. А. Авилевой, 23 марта 1899 года. П. VIII, 134).

Для Горького внимание и беседы с Чеховым стали о т к р ы т и е м и внутренней потребностью. Общение с ним окрыляло молодого беллетриста. Горький писал Е. П. Пешковой 22 марта 1899 года: «Чехов – человек на редкость. Добрый, мягкий, вдумчивый. Публика страшно любит его и надоедает ему. Знакомых у него здесь – конца нет. Говорить с ним в высокой степени приятно, и давно уже я не говорил с таким удовольствием, с каким говорю с ним...» (П. VIII, 458).

Чехов настраивал Горького на ровное длительное состояние творчества без неуместной эйфории или удрученности. В ответ на сетования беллетриста о спаде настроения и усталости от работы над «Фомой Гордеевым» он писал: «Зачем Вы браните неистово своего “Фому Гордеева”? Тут, мне кажется, кроме всего прочего... две причины. Вы начали с успеха, начали шумно, и теперь все, что представляется Вам обыденным и заурядным, не удовлетворяет и то-

мит Вас» (П. VIII, 206). Чехов дает совет – быть в центре творческой жизни: «...литератору нельзя безнаказанно проживать в провинции. Что бы Вы там ни говорили, Вы вкусили от литературы, Вы отравлены уже безнадежно. Вы литератор, литератором и останетесь. Естественное же состояние литератора – это всегда держаться близко к литературным сферам, жить возле пишущих, дышать литературой. Не боритесь же с естеством, покоритесь раз навсегда – и переезжайте в Петербург или Москву. Бранитесь с литераторами, не признавайте их, половину из них презирайте, но живите с ними» (П. VIII, 206).

На новые произведения молодого писателя он отзывался оперативно и без скидок: «“Трое” Горького в январск<ой> книжке мне чрезвычайно понравились по тону письма. Девки неверны, таких нет, и разговоров таких никогда не бывает, но все же приятно читать. В декабрьск<ой> книжке мне не так понравилось, чувствовалось напряжение. И напрасно Горький с таким серьезным лицом творит (не пишет, а именно творит), надо бы полегче, немножко бы свысока» (В.А. Поссе, 3 марта 1901 года. П. IX, 115).

Нашумевшая пьеса «На дне» с ее девизом «Правда – бог свободного человека» вызвала особый интерес писателя. В письме Ф.Д. Батюшкову он замечает: «“На дне” пьеса хорошая; она, как говорят, измарана цензурой, но все же пойдет, и скоро начнутся правильные репетиции; к тому же есть надежда, что цензор сменит гнев на милость и кое-что возвратит пьесе» (П. XI, 70). Для Чехова постановка «На дне» была принципиально важна. Во-первых, он хотел поддержать Горького и поднять его статус как писателя. Во-вторых, победа автора пьесы в тяжбе с цензурой являлась и моральной победой Чехова над цензорами, которые «правили» и его произведения. Поэтому Чехов следил за ситуацией с пьесой. В письме к жене он интересуется, позволят ли им поставить «На дне». «Мне кажется, что цензура объявила Горькому войну не на живот, а на смерть, и не из страха, а просто из ненависти к нему. Ведь Зверев, начальник цензуры, рассчитывал на неуспех, о чем и говорил Немировичу, а тут вдруг шум, да еще какой!» (П. XI, 144).

Подчас Чехову приходилось вступаться в письмах за Горького, который подвергался критической хуле в газетах или журналах, опровергать несправедливые упреки. В письме Е.П. Гославскому он пишет: «...Горький человек добрейший, мягкий, деликатнейший и во всяком случае не такой уж мелкий, чтобы сердиться на Вас из-за чистейшего пустяка. Это подсказал Вам не Л. Андреев, а Ваша мнительность, уверяю Вас!» (П. XI, 119).

В защиту своего коллеги по перу Чехов выступает в письме жене от 14 января 1903 года: «Получаю газету “Гражданин”; в последнем номере Горький именуется неврастеником и успех пьесы объясняется неврастением. Вот уж от кого даже не пахнет неврастением! Горькому после успеха придется выдержать или выдерживать в течение долгого времени напор ненависти и зависти. Он начал с успехов – это не прощается на сем свете» (П. XI, 124).

В суждениях Чехова были прозрения, которые потом разворачивались критиками как ключевые положения. Так, в письме А. Сумбатову (Южину) он дает беспристрастную оценку Горького, определяет главную тему писателя и ее значение в литературе: «...заслуга Горького не в том, что он понравился, а в том, что он первый в России и вообще в свете заговорил с презрением и отвращением о мещанстве, и заговорил именно как раз в то время, когда общество было подготовлено к этому протесту» (П. XI, 164).

И далее Чехов формулирует образное представление о мещанстве и значении Горького в жизни на долгие времена: «И с христианской, и с экономической, и с какой хочешь точки зрения мещанство большое зло, оно, как плотина на реке, всегда служило только для застоя, и вот босяки, хотя и не изящное,

хотя и пьяное, но все же надежное средство, по крайней мере оказалось таким, и плотина если и не прорвана, то дала сильную и опасную течь. Не знаю, понятно ли я выражаюсь. По-моему, будет время, когда произведения Горького забудут, но он сам едва ли будет забыт даже через тысячу лет. Так я думаю, или так мне кажется, а быть может я и ошибаюсь» (П. XI, 164).

По сути, переписка с Чеховым и его советы стали для Горького школой мастерства; они повлияли на определение его стиля, более строгое отношение к своим произведениям, способствовали развитию яркого самобытного дарования.

3.

Благотворное влияние Чехова испытал и А. Куприн (1870–1938). Они познакомились в 1901 году. Так случилось, что в апреле-мае этого года молодой литератор стал постоянным посетителем ялтинского дома Чехова, где работал над рассказом «В цирке». В воспоминаниях объяснял это следующим образом: «Один начинающий писатель (имеется в виду сам Куприн. – В. Х.) приехал в Ялту и основался где-то за Ауткой, на окраине города, наняв комнатуху в шумной и многочисленной греческой семье. Как-то он пожаловался Чехову, что в такой обстановке трудно писать, – и вот Чехов настоял на том, чтобы писатель непременно приходил к нему с утра и занимался у него внизу, рядом со столовой. “Вы будете писать внизу, а я сверху, – говорил он со своей очаровательной улыбкой. – И обедать будете также у меня. А когда кончите, непременно прочтите мне, или, если уедете, пришлите хотя бы в корректуре”»*.

Впечатление от полученного рассказа Куприна было положительным: «“В цирке” – это свободная, наивная, талантливая вещь, притом написанная несомненно знающим человеком» (О.Л. Книппер-Чеховой, 31 января 1902 года. П. X, 182). Чехов неоднократно встречался с Буниным и Куприным на литературных мероприятиях. В начале 1902 года он сообщил Куприну очень приятную для него новость: «...сим извещаю Вас, что Вашу повесть “В цирке” читал Л. Н. Толстой и что она ему очень понравилась. Будьте добры, пошлите ему Вашу книжку... и в заглавии подчеркните рассказы, которые Вы находите лучшими, чтобы он, читая, начал с них» (П. X, 177).

Знакомство с произведениями двух близких ему писателей позволяло Чехову видеть просчеты одного и другого: «“Осень” Бунина сделано несвободной, напряженной рукой, во всяком случае купринское “В цирке” гораздо выше» (О.Л. Книппер-Чеховой, 31 января 1902 года. П. X, 182).

Куприн был очень признателен Чехову за поддержку и внимание. В воспоминаниях он обстоятельно размышляет о природе дарования Чехова и его значении в судьбе молодых литераторов, отмечает редкую о т з ы в ч и в о с т ь Антона Павловича: «К молодым начинающим писателям Чехов был неизменно участлив, внимателен и ласков. Никто от него не уходил подавленным его огромным талантом и собственной малозначительностью. Никому никогда не сказал он: “Делайте, как я, смотрите, как я поступаю”. Если кто-нибудь в отчаянии жаловался ему: “Разве стоит писать, если на всю жизнь останешься “нашим молодым” и “подающим надежды”, – он отвечал спокойно и серьезно: – Не всем же, батенька, писать, как Толстой»**.

Особо доверительные отношения сложились у Чехова с И. Буниным (1870–1953). Разница почти в 11 лет не стала препятствием. Оба писателя чувство-

* Там же. С. 527.

** Там же. С. 526–527.

вали симпатию друг к другу. Чехов желал встречи с ним, и это была не только творческая, но и личная привязанность. В 1900 году на обороте любительской фотографии Чехов сделал надпись: «Ивану Алексеевичу Бунину с восторгом и благоговением. Антон Чехов. 900, XI, 29».

Вряд ли кто-нибудь из близкого круга молодых литераторов Чехова удостоивался такого открытого признания. А в начале следующего года он писал матери из Ниццы: «Очень радуюсь тому, что Бунин гостит у нас, жалею, что меня нет дома» (П. IX, 178). Бунин заботливо относился к Евгении Яковлевне – матери Чехова. Он оставался с ней в доме, когда Чехов уезжал в Москву. В письмах матери и сестре Чехов неизменно передавал Бунину «поклон, самый нижайший» (П. IX, 188). А вернувшись в Ялту, сообщал в письме: «Здесь Бунин, который, к счастью, бывает у меня каждый день» (О. Л. Книппер, 20 февраля 1901 года. П. IX, 204).

Чехов неизменно приглашал Бунина в Ялту пожить со своими близкими, а потом признавался: «О Вас мы, ялтинские знакомые, вспоминаем с большим удовольствием и долго жалеем, что Вы от нас уехали» (П. IX, 228). Ему, одному из немногих, Чехов сообщил, что собирается жениться, но сказал об этом как бы между прочим, в шуточной форме: «Поживаю я недурно, так себе, чувствую старость. Впрочем, хочу жениться» (П. IX, 228). Правда, через 10 дней делает отступной жест: «Приезжайте, сделайте такую милость! Жениться я раздумал, не желаю, но все же, если Вам покажется в Ялте скучно, то я, так и быть уж, пожалуй, женюсь» (П. IX, 235).

Чехов в письмах обращался к Бунину со словами «Милый Иван Алексеевич» и подчеркивал, что ждет его приезда с нетерпением. Иногда Чехов называл его «Господин Букишон». Бунин вспоминал, что это прозвище возникло, когда Чехов в какой-то газете увидел портрет маркиза, похожего на него.

Чехова привлекала в Бунине и способность артистически представлять сценки, вызывать смех у окружающих. К. Станиславский вспоминает, как во время гастролей МХТ в Крыму артисты завтракали у Чехова и развлекались: «В одном углу литературный спор, в саду, как школьники, занимались тем, кто дальше бросит камень, в третьей кучке И. А. Бунин с необыкновенным талантом представляет что-то, а там, где Бунин, непременно стоит Антон Павлович и хохочет, помирает от смеха. Никто так не умел смешить Антона Павловича, как И. А. Бунин, когда он был в хорошем настроении»*.

В это время в Ялте находились М. Горький, А. Kupрин, Д. Мамин-Сибиряк, И. Бунин. Они собирались на даче у Чехова и вели интересные незабываемые разговоры о литературе и искусстве. Сам Бунин вспоминал о встречах с Чеховым в 1901 году: «Он настаивал, чтобы я бывал у него ежедневно с самого утра. И в эти дни мы особенно сблизились, хотя и не переходили какой-то черты, – оба были сдержанны, но уже крепко любили друг друга. У меня ни с кем из писателей не было таких отношений, как с Чеховым. За все время ни разу ни малейшей неприязни. Он был неизменно со мной сдержанно нежен, приветлив, заботился как старший...»**.

И вот итоговое заключение Бунина: «Я вижу Чехова чаще бодрым и улыбающимся, чем хмурым, раздраженным, несмотря на то, что я знавал его в течение четырех лет наших близких отношений в плохие периоды его болезни. Там, где находился больной Чехов, царили шутка, смех и даже шалость»***. Чехов мог послать Бунину шутливую телеграмму: «Милый Жан! Укрой свои бледные ноги!» (П. XI, 65). Это обыгрывание стихотворения В. Брюсова, состоящего из одной

* Станиславский К. С. А. П. Чехов в художественном театре // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 389.

** И. А. Бунин. Чехов <Дополнения> // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. С. 500.

*** Там же. С. 502.

строки: «О, закрой свои бледные ноги». Чехов неоднократно вышучивал русских символистов: В. Брюсова, К. Бальмонта.

Он хорошо понимал, что Бунин – художник новой эпохи, который фактически продолжал его путь к обновлению прежней формы и достижению более емкого и лаконичного повествования. Он ввел эпизодичность изображения, физиологические детали, трагическую интерпретацию любви. Но одновременно сохранил лирическую тональность. Бунин еще больше уплотнил повествование, усилил фактурность детали. Зоркость его взгляда поразительна. И Чехов чувствовал в нем своего п р е е м н и к а, с удовольствием читал рассказы и стихи Бунина. Когда тот прислал оттиск рассказа «Сосны», Чехов ответил следующее: «Во-первых, большое спасибо за присланный оттиск, во-вторых, “Сосны” – это очень ново, очень свежо и очень хорошо, только слишком компактно, вроде сгущенного бульона» (П. X, 169).

Чехов до конца жизни с особой теплотой относился к Бунину, следил за его публикациями: «Пишу я теперь мало, читаю много. Читаю и “Русь”, которую выписываю. Сегодня читал “Сборник” изд. “Знания”, между прочим горьковского “Человека”, очень напомнившего мне проповедь молодого попа, безбородого, говорящего басом, на 0, прочел великолепный рассказ Бунина “Чернозем”. Это в самом деле превосходный рассказ, есть места просто на удивление, и я рекомендую его Вашему вниманию» (А.В. Амфитеатрову, 13 апреля 1904 года. П. XII, 85). Чехов был рад, что рассказ Бунина произвел впечатление на его знакомых: «Сегодня получил письмо от Амфитеатрова: он в восторге от Бунинского рассказа, а также от Леонида-Андреевского. Мне тоже первая книжка сборника очень понравилась. Второй еще не читал» (К.П. Пятницкому, 27 апреля 1904 года. П. XII, 96).

И. Бунин вспоминал о встрече с Чеховым в конце декабря 1903 года в Москве: «...как всегда уверял, что я проживу до глубокой старости, так как я “здоровенный мужчина”, и опять в который раз уговаривал писать ежедневно, бросить “дилетантство”, а нужно относиться к писанию “профессионально”...

И не думал я в те дни, что они – наше последнее свидание»*.

Н.Д. Телешов рассказывает подробно о последней встрече с Чеховым перед его отъездом в Германию. Писатель понимал, что положение его безнадежно: «Тихая сознательная покорность отражалась в его глазах.

– А Бунину передайте, чтобы писал и писал. Из него большой писатель выйдет. Так и скажите ему от меня. Не забудьте» (П. XII, 359).

Покровительство А. Чехова, его профессиональные советы благотворно повлияли на формирование творческой индивидуальности каждого из молодых писателей. Личное общение с классиком стало предметом их пожизненного осмысления; оно зафиксировано в воспоминаниях и письменных свидетельствах М. Горького, А. Куприна, И. Бунина. Так, связующая нить прозрений Чехова, его опыта и художественных исканий протягивалась к новым поколениям литераторов XX века, служила поддержкой их самоопределению.

* Там же. С. 505.